

Таши Мункуева

фарфоровая мышка

ШААЖАН ХУЛГАНА

Сказка для детей и взрослых
Онтохон томошье ба багахансье уншагшадта

Художник Полин Ванье

Улан-Удэ
Издательство ПАО «Республиканская типография»
2020

ГЛАВА I

Однажды осенью, когда листочки оделись в золото и, кружась, опадали с деревьев, играла фарфоровая мышка Ижика с собственным фарфоровым хвостиком. Все в фарфоровой норке громко смеялись: и фарфоровый папа-мышка, и фарфоровая мама-мышка, и фарфоровые дедушка с бабушкой, и фарфоровая тетя Врединка. Одним словом – все.

И только фарфоровые часы хмурили свои фарфоровые брови. Играть с собственным хвостом – неразумно! Отломится – и что тогда? Фарфоровое счастье так хрупко!

– Быть может, – подумали часы, – потороплюсь-ка я отбить полдень, пусть Ижика успокоится, выпьет чаю с листками душистой мяты и откусывает хрустящих заплесневелых корочек.

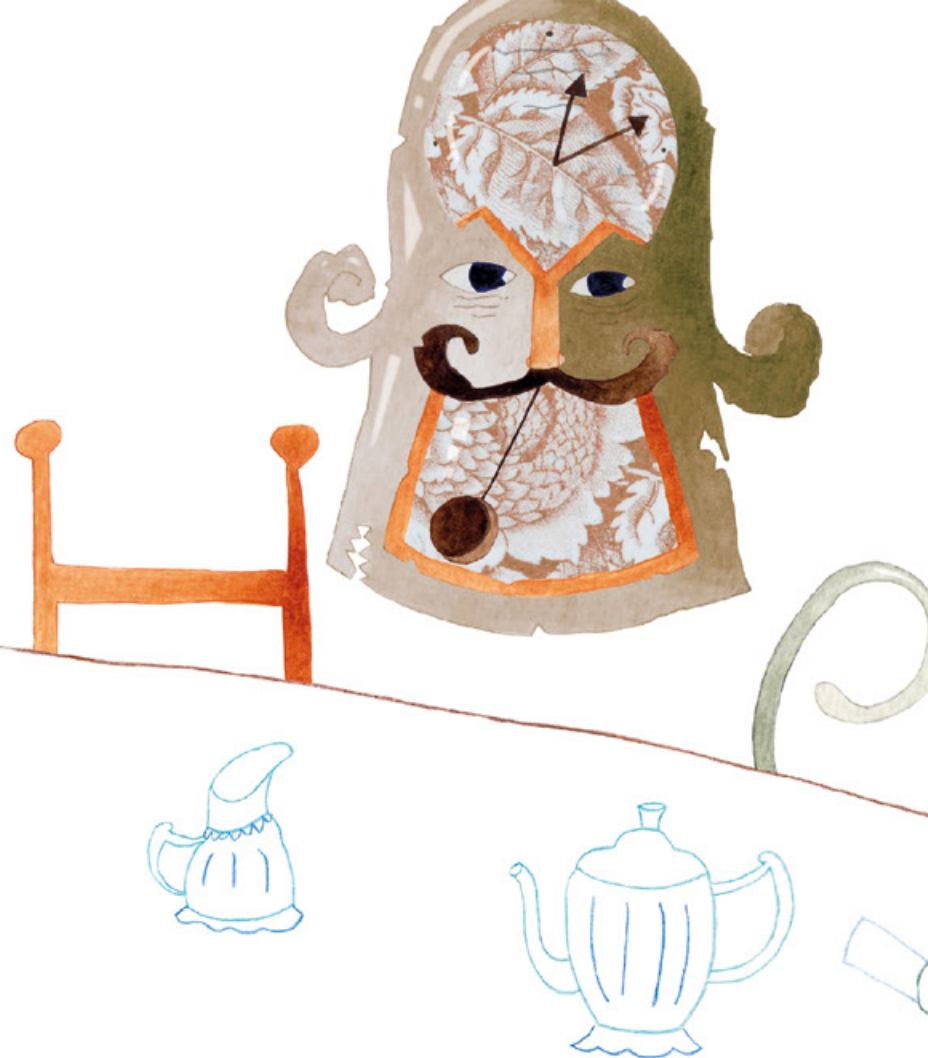
Но не тут-то было! Как только стрелки показали двенадцать и в норке раздался бой, Ижика задела вазу с фарфоровыми цветами... Все в фарфоровой норке замерли... Ни звука, ни шороха.

НЭГЭДЭХИ БҮЛЭГ

Намарай намдуухан нэгэ үдэр. Модондой алтан шара набшаһад агаарта эрьелдэн, газар дээрэ унажа байна. Энэ үдэр Ижикэ гэжэ нэрэтэй шаажан хулганаан һүүлээрээ наадажа захалба. Шаажан нүхэн байра соохид бултадаа хүхюутэйнүүд: шаажан абань, шаажан эжынь, шаажан хүгшэн үбгэн абань, шаажан хүгшэн эжынь, үшөө тиихэдэ шаажан Зан муута гэжэ нэршэһэн нагаса абгайньшые хүхюухэн.

Гансал шаажан час шаажан нидхээ сухалтайгаар буулгана:

– һүүлээрээ наадаха гээшэ ямар тоолхогүй юумэ гээшэб! Таһаршоо һаань, яахань бэ?! Шаажан жаргал даншые хэбэрэг ха юм... Али үгы һаа, би түргэн хахад үдэр сохихом, тиигэбэл Ижикэ номгоржо, хоншуухан үнэртэй ногоогоо хэжэ сайгаа ууха, бурида баригдаһан хуурай хилээмээ мэрэхэ.

Уже через мгновенье Ижика была без чувств, а рядом, среди осколков разбитой фарфоровой вазы, лежал и кусочек фарфорового хвостика.

Часы остановились.

Пицала бабушка, пицал дедушка, пицали папа и мама, и тетя Врединка – пицало всё фарфоровое семейство:

– Никто, никто и никогда в Фарфоровой долине не лишался части собственного хвоста! – громко возмущался фарфоровый дедушка. – Ещё вчера лучшие женихи гуляли с Ижикой по ромашковым лугам Его Фарфорового Величества! А теперь о браке не может быть и речи!

– Ужасное, ужасное происшествие! – задыхаясь, плакала фарфоровая бабушка. – Наш древнейший фарфоровый род обесчещен!

Угыл ааб даа! Тон часай 12 саг харууламсаарнь, нүхэн соонь сууряатажа, Ижикэ гэнтэ һүүлээрээ шарбагашаад, сэсэгэй лонхо дайража унагааба... Шаажан нүхэн соохид булта аб аниргүй болошоод зогсод... Нэгэшье абяан, харшаганааншье дуулданагүй.

Тэрэ дороо Ижикэ тад гэдэргээ унашаба. Хажуудань лонхын таһархайнуудай хоорондо шаажан һүүлынь хухархай хэбтэнэ.

Час тогтошобо.

Хүгшэн эжынь гонгинобо, хүгшэн абань гонгинобо, эжы абань гонгинолдобо, Зан муута нагаса абгайнь юундэ аниргүй байха һэм, – бултадаа шаажан бүлынхид дарья табилдаба.

– Хэншье, хэзээдэшье шаажан дайдада һүүлээ хухараагүй юм! – гэжэ шаажан үбгэн абань хашхарна. – Үсэгэлдэр залуухан, сэбэр хүбүүд Ижикэтэй сэсэрлиг соогуур сэнгэжэ ябаа! Харин мүнөө һүүлгүй Ижикэ яагаад хадамда гарахаб!

– Ямаршье муухай үйлэ хэрэг тохёолдобоб! – гээд шаажан хүгшэн эжынь бархиршаба. – Аяар урда саһаа эхитэй манай шаажан уг иигэжэ нэрээ хухарбал!

Солнце от испуга спряталось. Небо затянулось, стало каким-то сырým и набухшим.

Озорная Птичка, как всегда, подсматривающая за фарфоровым семейством, очень огорчилась.

* * *

Все, все без исключения жители Фарфоровой долины (а звались они фарфорами) печальное известие приняли холодно, с осуждением.

А Ижика с той минуты в чувство не приходила. Несмотря на все усилия именитых фарфоровых докторов и листики можжевельника под подушкой, мучилась она жаром и ужасными снами. Виделось Ижике, как тонет она в глубокой, илистой фарфоровой реке, как горит она в пожаре на людской мельнице. И как грозно наставляет её фарфоровый папа:

– Помни, Ижика, истинные мыши – это мы! У нас самые длинные носы и самые изысканные манеры. Мы спустились с небес по фарфоровой радуге, а кто ещё может похвастать таким божественным происхождением?

А потом опять – как она тонет, как она горит...

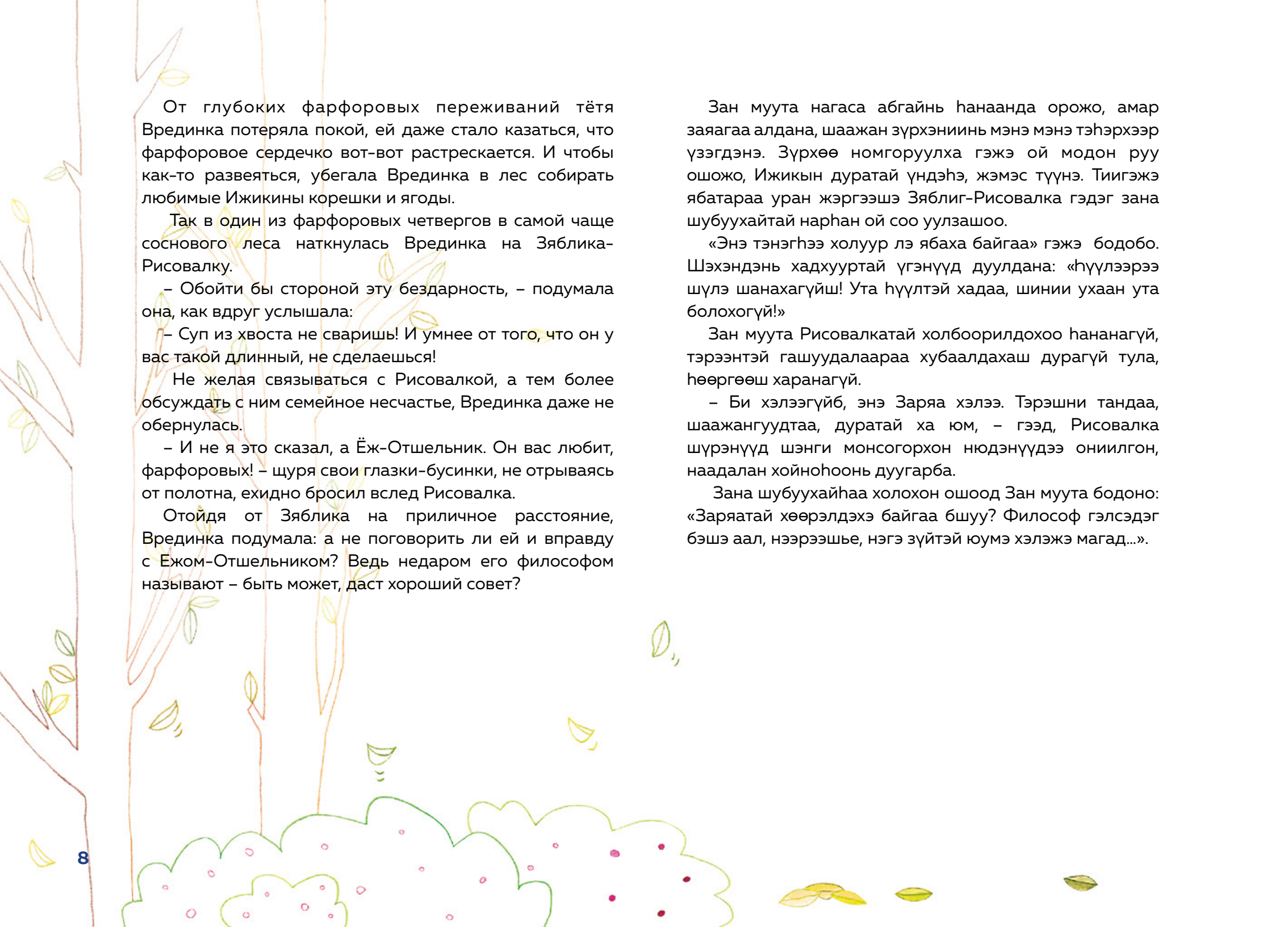
Наран айһандаа хоргодошобо. Тэнгэри хара боро болошонхой, хүндөөр үзэгдэнэ. Тоомгүй Шубуухай шаажан айлайхиие хаража, досоогоо ехэ муудана.

* * *

Шаажан дайдын ажаһуугшад бултадаа энэ соносхол хүйтэхэнөөр угтаба. Мэдээгээ алдаһан Ижикэ һэгээ оробогүй. Шаажан хүгшэнэйнэ, эмшэдэй оролдолгошье, арсын набшаһадшье туһалбагүй. Ехээр халууржа, дэмыржэ хэбтэнэ. Зүүдэндээ гүнзэгы шабартай уһанда урдаһанаа, галда ороһоноо харана. Шаажан абынь абъяастай хоолой дуулдана:

– Ойлго, Ижикэ, бидэ жэнхэн сэбэр хулганаанууд гээшэбди! Хамарнууднай эгээл утанууд, бээшье гоёор абажа ябадагбди! Бидэ тэнгэриһээ шаажан холонгын туһаар бууһамди! Маанадһаа бэшэ хэн бурханай табисууртай байнаб?! һүүлээрнь Ижикэ баһал долги́ндо дарагдана, галда шатана...

От глубоких фарфоровых переживаний тётя Врединка потеряла покой, ей даже стало казаться, что фарфоровое сердечко вот-вот растрескается. И чтобы как-то развеяться, убегала Врединка в лес собирать любимые Ижикины корешки и ягоды.

Так в один из фарфоровых четвергов в самой чаще соснового леса наткнулась Врединка на Зяблика-Рисовалку.

– Обойти бы стороной эту бездарность, – подумала она, как вдруг услышала:

– Суп из хвоста не сваришь! И умнее от того, что он у вас такой длинный, не сделаешься!

Не желая связываться с Рисовалкой, а тем более обсуждать с ним семейное несчастье, Врединка даже не обернулась.

– И не я это сказал, а Ёж-Отшельник. Он вас любит, фарфоровых! – шуря свои глазки-бусинки, не отрываясь от полотна, ехидно бросил вслед Рисовалка.

Отойдя от Зяблика на приличное расстояние, Врединка подумала: а не поговорить ли ей и вправду с Ежом-Отшельником? Ведь недаром его философом называют – быть может, даст хороший совет?

Зан муута нагаса абгайнь ханаанда орожо, амар заягаа алдана, шаажан зүрхэнийн мэнэ мэнэ тэһэрхээр үзэгдэнэ. Зүрхөө номгоруулха гэжэ ой модон руу ошожо, Ижикын дуратай үндэнэ, жэмэс түүнэ. Тиигэжэ ябатараа уран жэргээшэ Зяблиг-Рисовалка гэдэг зана шубуухайтай нарһан ой соо уулзашоо.

«Энэ тэнэгһээ холуур лэ ябаха байгаа» гэжэ бодобо. Шэхэндэнь хадхууртай үгэнүүд дуулдана: «Һүүлээрээ шүлэ шанахагүйш! Ута һүүлтэй хадаа, шинии ухаан ута болохогүй!»

Зан муута Рисовалкатай холбоорилдохоо һананагүй, тэрээнтэй гашуудалаараа хубаалдахаш дурагүй тула, һөөргөөш харанагүй.

– Би хэлээгүйб, энэ Заряа хэлээ. Тэрэшни тандаа, шаажангуудтаа, дуратай ха юм, – гээд, Рисовалка шүрэнүүд шэнги монсогорхон нүдэнүүдээ ониилгон, наадалан хойноһоонь дуугарба.

Зана шубуухайһаа холохон ошоод Зан муута бодоно: «Заряатай хөөрэлдэхэ байгаа бшуу? Философ гэлсэдэг бэшэ аал, нээрээшье, нэгэ зүйтэй юумэ хэлэжэ магад...».

Карабкаясь по каменистой тропке, что вела к хижине Отшельника, вспоминала Врединка Ёжикино детство. Вот как ведь бывает: жил себе Ёжичек папе с мамой на радость, а потом взял вдруг и в философа превратился. С того самого дня другие Ежи его больше не интересовали. Ходит он теперь от дерева к дереву, ищет скрытую глубину мира...

За этим привычным занятием и застала Врединка Отшельника, но заговорить первой не решилась.

– У хвоста вашего фарфорового – ни языка, ни ума, ни сердца! – ни с того ни с сего, без поклонов и приветствий, говорил то в небо, то в землю Ёж. – Отправляйся к Старухе Жабе, спасёт она Ижику. Да помни: сейчас – это потом, а потом – это сейчас!

Сто раз пожалела Врединка, что пришла к этому сумасшедшему: вот уж точно не мозги, а иголки. Но советом решила воспользоваться немедленно.

Зарягай байра руу ошоһон шулуун зүргөөр абиржа ябахадаа, Зан муутын тархида Зарягай бага наһан ханагдана.

Һонин байдаг байна, Заряа жаргалтай аба эжытээ һууһан аад, гэнтэ философ болошобо! Бэшэ амитадые һонирхохоо болижо, модонуудай хоорондо һуугаад, бодолгодо орошонхой, ганса юртэмсын гүн удха бэдэрнэ.

Эгээл энэ үедэ Зан муута Заряада хүрэжэ ерэбэ, тиигээд түрүүн зугаа эхилхээ хүсэлбэгүй.

– Танай шаажан һүүлдэтнай хэлэншье, ухааншье, зүрхэншье үгы! – гэжэ гэнтэ мэндэшэлэншьегүй, газарта юм гү, тэнгэридэ юм гү Заряа хэлэбэ. – Тэрэ хүгшэн Бахада ошо, тэрэшни Ижикые абарха! Ойлго: мүнөө гээшэ һүүлдэ, һүүлдэ гээшэ мүнөө!

Зан муута энэ эрьюудэ ерэхэнээ зуу дахин шаналба! Үнэхөөрөөшье, ухаан гэжэ үгыл амитан, ганса хадхуурнууд! Тиигэжэ бодобошье, энэ хэлэхээрнь Бахада ошохо гэжэ шиидэбэ.

Солнце село, потемнело серое, неприветливое небо. Лес сурово ошетилил опушки. Среди кривых пней, корявых сосен да карликовых берёзок тянуло гнилью, воздух казался густым и вязким. Ветер окреп, стал больно хлестать острыми дождинками мордочку Врединки, лапки то и дело проваливались во влажную землю. Показалось, наконец, болото. Первые звёзды запутались в его чернильно-лиловых прядях, вдали слабо мерцали бледно-голубые огоньки.

– Это заблудшие фарфоровые души, – дрожа от страха и холода, думала Врединка.

Жилище Старухи Жабы окружал пояс чахлах кувшинок. Появления болотной хозяйки долго ждать не пришлось. Безобразная, сгорбленная, она язвительно приветствовала гостью:

– Ох, какие жирные мыши ходят здесь по ночам! Неужто я одна стройная да статная в этой долине осталась? Ну, проходи да ковры мои не испачкай.

Густой запах тины наполнял гостиную Старухи Жабы, а от зловония болотных цветов голова Врединки закружилась.

– Знаю, знаю, зачем пожаловала! Ну что с вами поделаешь – фарфор есть фарфор... – квакала недовольно Жаба. – Пойдём в мой сад, поколдую, только не смей и пискнуть: всех местных тварей разбудишь.

Нараншье орожо, тэнгэри хара сиидэгэр болобо. Ой модон барайжа үзэгдэбэ. Энэ гохигор түгсүүлнүүд, нахиинан нарахад, ургахаа болиһон хуһануудһаань буриин үнэр гарана. Агаар үдхэн, хүндэ. Бороотой шанга һалхин Зан муутын нюур гамгүй сохино. Хүлнүүдынь нойтон газарта шаагдана.

Одоошье намаг үзэгдэбэ. Холоһоо түрүүшын мүшэдэй һулахан галханууд миралзана. «Энэ манай төөриһэн шаажануудай хүнэһэнүүд» гэжэ Зан муута бодоно, айһандаашье, хүйтэнһөөшье бэень һалганана.

Хүгшэн Бахын гэрыень муудаһан уһанай сэсэгүүд тойроно. Удааншье болонгүй намагай эзэн абгай харагдаба. Бүхэтэр нюргатай, муухай зүһэтэй Баха:

– Ай, ямар тарган хулганаанууд эндэ орой хүни юу хэжэ ябана?! Али би гансаараа нариихан гоё бээтэй энэ дайда дээрэ үлөө гээшэ гүб?! Зай, гара наашаа, минии дэбидхэр муухай бү болго! – гэбэ.

Замарһанай үнэр байра соонь таранхай. Муухай үнэрһөө Зан муутын тархи эрьежэ эхилбэ.

– Юундэ ерэһыеш мэдэжэл байнаб! Яахабши теэд, шаажан хадаа шаажан ха юм! – гэжэ Баха энгүүтэйгээр шалшаганаба:

– Зай, ошоё тэрэ минии сэсэрлиг руу, аблая! Гансашье абья бү гара! Эндэхи бүхы муухай амитадые һэрюулхэш!

Жуткий страх одолел Ижикину тётушку. Даже камыши дрожали под лунным светом.

Пристально всматриваясь в бурлящий нечистью котёл, скрюченная, с затуманенным взглядом, Старуха Жаба прошипела:

– Таптанай, Таптанай!

Там, на Востоке, где земля,
как блюдецe, плоская,
где ночь густая, как смола,
где ветерок поёт без усталы,
живет мышей степных орда!

– Продолжайте, Жабочка! – удивляясь тому, что Болотная Старуха стихами заговорила, шептала Врединка.

– Правит мышами Степной Король, познал он всю земную премудрость! Родился в библиотеке, много странствовал, очень щедрый и справедливый. Видится мне: дарует Король учение вашей фарфоровой проказнице. Вернётся домой, как новенькая! Немедленно отправляйтесь в путь!

– Но, Жабочка, это же так далеко! Кто поможет ей?

– Ну, кто с вами, фарфоровыми, кроме Озорной Птички, связываться будет? А теперь ступай прочь да платочек свой фарфоровый оставь: не к лицу он тебе.

– А как нам бедняжку в чувство привести, Жабочка? – не унималась Врединка. – Она же без памяти!

– Надоела ты мне, Врединка! На вот, возьми настойку из комаров, – вытаскивала Врединку из болотного дома Жаба.

Ижикын нагаса абгай бүришье ехээр айшаба. нарын гэрэлдэ хулхан шэшэрнэ. Тогоон соо бузартаһан юумэнэй бусалжа байһые манатаһан нюдөөр харан, бохигор Баха иигэжэ шииганаба:

– Табтаанай! Табтаанай!

Тэндэ, Зүүн зүгтэ,
Табгаг мэтэ түхэрээн газарта
Хаб харанхы хүни,
һалхин хододоо һэбшээлнэ...

Тэндэ талын хулганаанууд түмэн!

– Үшөө саашань, Бахахан! – шүлэгөөр Бахын дуугарһандань гайхан, Зан муута шэбэнэн гуйба.

– Тэрэ хулганаануудай дарга дэлхэйн ухаан бодол шудалаа. Номой санда түрөөд, дэлхэй дүүрэн аяншалаа, баян гартай, бүхы юумэ зүб тээшэнь шиидхэдэг дарга! Минии һанахада, тэрэл дарга, талын шаажан Ижикые абарха. Түргэн тиишээл яба!

– Үгы, яагаад? Ехэ холо байна! Хэн туһалхаб энээхэндэ?

– Тантай, шаажангууд, хэн холбоорилдохоб? Зана шубуухайһаа бэшэ хэн танда туһалхаб! Түргэн тэрээндэ ошыш! Орхи тэрэ шаажан пулаадаа, шинии шарайда оройдоош тааранагүй!

– Теэд яагаад баарһанаа һэгээ оруулхабибди, Бахахан? – гэбэ һалан һандангүй Зан муута. – Тэрэмнай һэринэгүйл!

– Ямар хашартай амитан гээшэбши! Бари энэ батаганаагаар хэгдэһэн эм! – гээд, Зан муутые Баха гэрһээ түлхижэ гаргаба.

ГЛАВА II

Все в фарфоровой норке, кроме тёти Врединки, считали Ижикино путешествие чрезвычайно опасным. И фарфоровый папа-мышка, и фарфоровая мама-мышка, и фарфоровые дедушка с бабушкой – одним словом, все. И даже фарфоровые настенные часы хмурили свои фарфоровые брови.

– Будь осторожна, не заразись чужими обычаями! – наставлял Ижику фарфоровый дедушка.

– Бойся, Ижика, нежного сердечного чувства, не подпускай близко Божественную Мурашку! – добавляла фарфоровая бабушка.

– Говорят, там ужасно дикие нравы! – плача от избытка чувств, не унималась фарфоровая мама. – Помни фарфоровый этикет!

* * *

Крылышки Озорной Птички были очень яркими. Пожалуй, никогда еще в небе такой птицы не видели!

Странствие было долгим и захватывающим.

Впервые фарфоровые глазки Ижики увидели высокие горные хребты, ревущие водопады и быстро бегущие по земле реки. А суровый таежный лес и бескрайние, сказочные озёра завораживали своей таинственностью.

Полным впечатлений и восторга, наконец им открылась степь – ни с чем не сравнимая, необъятная, ветром и солнцем любимая. Цветущий ковыль, душистый чабрец, колючие кусты и овражки – всё, всё пришлось Ижике по душе.

Из почти круглых, голых, как яичная скорлупка, домиков тонкими струйками поднимался дымок.

ХОЁРДОХИ БҮЛЭГ

Шаажан нүхэнэйхид Ижикын зүүн зүг тээшэ аяншалгыг ехэ аюултай ушар гээшэ гэжэ тоолоно. Шаажан абань, шаажан эжынь, шаажан хүгшэн эжы абань булта айшанхайнууд. Шаажан ханын часшыг шаажан нидхээг буулгана.

– Ойлгомжотой ябаарай, тэдэнэй ёһо заншалда бү ороорой! – гэжэ шаажан хүгшэн абань Ижикэдээ ойлгуулна.

– Сэдьхэлэйнгээ зөөлэниие доро дараад ябаарай, Ижикэ! Бурханай шоргоолжониие бээдээ бү дүтэлүүлээрэй, – гэжэ шаажан хүгшэн эжынь нэмэнэ.

– Тэдэш үзэлэй муу, муухай ёһо заншалтай улад юм, – гээд эжынь бархиршана. – Шаажан журамаа бү мартаарай!

* * *

Зана шубуунай далинууд гоёхон үнгэтэй даа. Тэнгэрийн шубуудһаа гоёор харагдана. Иимэ гоё шубуун тэнгэридэ үшөө үзэгдөөгүй хэбэртэй!

Аяншалгань удааншыг, һонирхолтойшыг байба. Шанха дээшээ харбаһан орьёлнууд, хабсагайһаа сэхэ доошоо унаһан бурьялма горхонууд, түргэн урадхалтай голнууд түрүүшынхиг Ижикын шаажан нюдэнүүдтэ харагдаба гээшэ. Хажуугаарнь нэлыһэн тужа, захигүй домогто нуурнууд ямар нэгэ үзэгдөөгүй орон шэнгээр һанагдана.

Замдаа олон үдэр, һүни ниидэжэ, гайхалаа баража ядаһан тэрэ хоёр аажам талада хүрэжэ ерэбэ. Ая гангын хангилма үнэр, тунгалаг сэбэр горхонууд, аяга шэнги елэгэр нуурнууд, хадхууртай һөөгүүд ба жалганууд бүхыдөө Ижикэдэ ехэл гоёор үзэгдэнэ.

Үндэгэн шэнги түхэрээн гэлигэр гэрнүүдһээ нариихан утаан сэхэ дээшээ гарана.

Замда ябаһан хоёрыг гайхалай ехэдэ талын хулганаанууд хүндэтэйгөөр угтаба. Гансал жаахан хулганаанууд этигэлгүйгөөр, һэжэгтэйгээр Ижикыг харана: тэрэнэй хамарын дэншыг ута байба.

К большому удивлению путешественников, встретили их степные мыши вежливо, с почтением. Только маленькие мышата недоверчиво поглядывали на Ижику: уж очень она была, по их мнению, длинноносой.

Расположившись в одном из таких загадочных жилищ на ночлег, отведали гости плоды целебных степных трав и крепкий, ароматный зеленый чай. И хотя не сопровождалась яства степных мышей строгим фарфоровым этикетом, Ижика с Озорной Птичкой остались очень довольны.

С появлением первых звезд круглый дом превратился в одно большое спальное место. И когда, наконец, все улеглись, хозяин-мышь, задув огонек, произнес:

– Пусть минуют нас болезни, да сохранится покой в семье!

Долго не могла заснуть Ижика. Она впервые задумалась о том, что хоть и обладали фарфоры изысканными манерами, а вот душевной щедрости лишены были. Ну кто в Фарфоровой долине мог так доверчиво впустить в дом незнакомую мышь? Накормить и на ночь оставить, при этом даже не поинтересоваться, знатного ли она рода!

Скрестив лапки на урчащем брюшке, Ижика уткнулась в тонкую шею Озорной Птички и, досчитав до ста фарфоровых чайничков, уснула. Сердцем она была в старом, но умишком уже в новом, странном для нее мире.

Нэгэ түхэрээн гэртэ унтари бэлдэгдэжэ, айлшад амтатай талха, жэмэсэй халуун шүлэ эдибэ, хангалтама ногоон сай ууба. Теэд талын хулганаануудай энэ амтатай эдеэнэйн хажууда гоё аяга, халбага байгаашьегүй хаань, Ижикэ Зана шубуухай хоёр садаба, сэдхэлээ хананги үлэбэд.

Тэнгэридэ түрүүшын мүшэдэй носоходо, түхэрээн гэр бултанай нэгэ ехэ унтариин байра болобо. Бултанай хэбтэнэн хойно гэрэй эзэн хулганаан галаа унтаргаангаа хэлэнэ:

– Бүхы үбшэ хабшан зайлаг лэ, булта энхэ элүүр, амгалан ажаһууял даа!

Ижикэ нойроо хүрэнгүй удаан хэбтэнэ.

Түрүүшынхией бодолгото болоно: хэдышье шаажанхайнууд зүбөөр бээе абаха нарин журам сахидагшье хаа, сэдхэлэй баяниие мэдэхэгүйл байна. Шаажан дайдада хэн иигэжэ танил бэшэ аяншанда этигэн, гэртээ оруулхаб? Хооллуулаад, гэртээ хонуулаад, хэн бэ, ямар угайб гэжэ һонирхохогүйб даа.

Ижикэ гэдэнэн дээрээ һабарнуудaa табяад, шубуухайн нариихан хүзүүндэ няалдаад хэбтэнээр, ухаандаа зуун шаажан гүсэнүүдые тоолон нойртоо диилдэбэ. Зүрхэниинь хуушан амидаралдаашье хаа, богонихон ухаагаараа шэнэ һонин оршондо ороһоноо мэдэрбэ.

К большой радости Ижики, встретиться со Степным Королем оказалось просто. Каждый день, после утреннего молебна, на горе степных Духов-Предков принимал он каждого, кто нуждался в совете.

– С почтением великим поклоняюсь Мышам севера, юга, востока и запада! Отбросьте зло и искренне желайте всем счастья на земле! – разводя лапки в стороны, обращался он словно к каждому.

– Оммммм... Оммммм... – нараспев пищали мыши-монахи.

– Будьте доброжелательны к старости, бедности, слабости, – соединял на груди лапки Степной Король.

Озорной Птичке уже стало казаться, что эти степные мыши немного не в себе. К их раскосым глазкам, круглым головам и плоским мордочкам она уже привыкла, а вот к манере изъясняться – никак не могла...

Талын Амбан Даргатай уулзахань хүшэр бэшэ байжа, Ижикэ баярлана. Үдэр бүри, үглөөнэй уншалгын һүүлээр Талын Дарга туһада хэрэгтэй ерэхэн амитан бүхэнтэй уулзажа, хэрэгийн бүтээнэ.

– Зүүн, урда, баруун, хойто зүгэй хулганаануудта зальбаран дохином! Дэлхэйн амитадта жаргал хүсэе! – гээд, гараа дэлгэн амитан бүхэндэ хандана.

– Оммммм... Оммммм... – гээд хүгжэмтүүлэн татан хулгана санаартан пишагананад.

Талын Амбан Дарга хоёр альгаа ниилүүлэн, сээжэдээ баряад: «Хүгшэн, үлбэр, тулюур амитадые хайрлажа ябагты», – гэдэ.

Но больше всего поражало то, что Король действительно слушал каждого и говорил с каждым.

И когда, наконец, очередь дошла до Ижики, он внимательно посмотрел на нее и спросил:

– Что случилось с тобой, чужестранка?

– Ваше Степное Величество, однажды я играла с собственным фарфоровым хвостиком. Только потом, – заплакала мышка, – кончик его отломился! Теперь меня все стыдятся и даже папа с мамой! Как же мне стать прежней Ижикой, без увечья?!

Король невозмутимо посмотрел на хвостик, на мгновение задумался и участливо произнес:

– Это событие и переживание изменили твой ум. И даже если приклеить кусок хвоста на место, ты, Ижика, и все, кто тебя стыдятся, прежними не останутся. Любые наши действия имеют последствия. Так мы меняем Мир. Со временем фарфоровая семья примет тебя такой, но и ты прими себя.

Прощаясь, Король сердечно пожелал Ижике прилагать усилия к развитию внимательности и сострадания.

– Душа у мыши не в хвосте, подумай об этом, – с теплой улыбкой добавил Король.

Зана Шубуухайда талын хулганаанууд нэгэл ойлгогдошогүй зантай шэнгээр ханагдаба. Тэдэнэй нюдэнүүдэйнэ онигрто, түхэрээн тархинуудтань, хабтагар нюурнуудтань һураашье һаа, харин хоорондоо харилсаха аргыень ойлгожо ядаа.

Талын Даргын үнэхөөрөөшье амитан бүхэнтэй уулзажа, тэдэниие шагнажа, хөөрэлдэжэ байһаниинь бүришье гайхалтай байна.

Ижикын ээлжээнэй дүтэлхэдэнь, тэрэ урдаһаань анхаралтайгаар хараад асууба: «Юун болооб, хари оронойхин?»

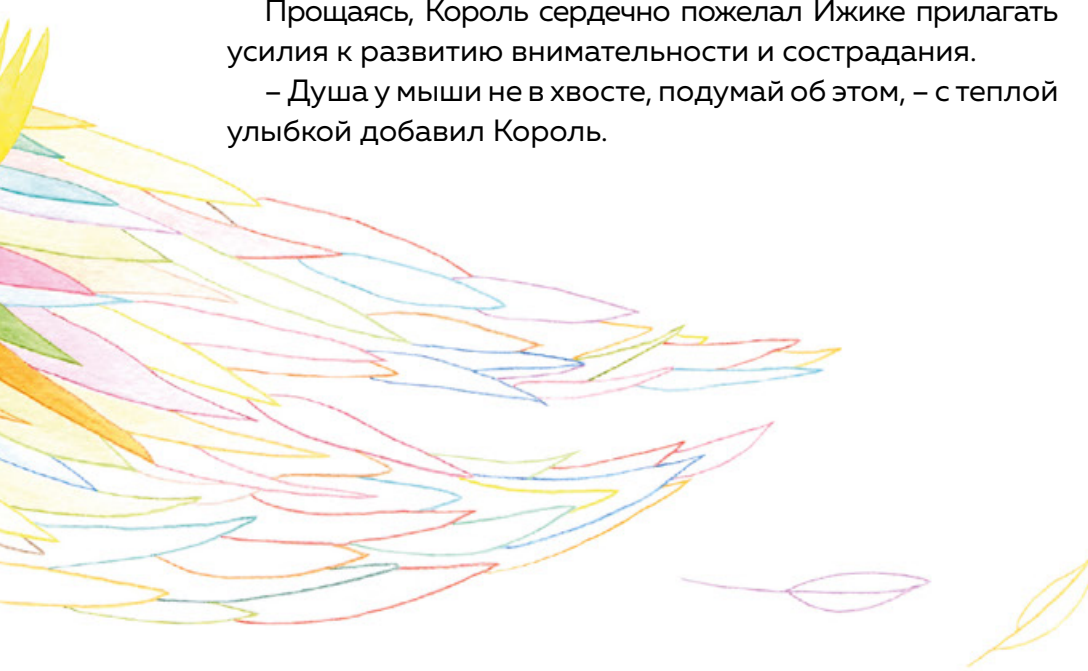
– Танай Талын Агуухэ Амбан Дарга, нэгэтэ би һүүлээрээ наадажа байтарни-и-и, – гээд Ижикэ бархиршаба, – һүүлэйм узуур хухаршоо! Мүнөө намһаа булта эшэнэ! Аба эжы хоёрниш намайе һөөргөө шаажан һүүлтэй хулгана болохо гэжэ хүлээнэ! Хайшан гэжэ би анханай, эрэмдэггүй, Ижикэ болохо гээшэбиб?

Дарга яаралгүйхэн һүүлыень хараад, нэгэ заа бодолгото болобо, тиигээд хайрлаһан янзатай иигэжэ хэлэбэ:

– Энэ ушар шинии ухаан бодол ондоо болгоо. Хухарһан һүүлыеш һөөргэнь няагаашье һаа, ши дахин урданайнгаа хэбтэ орохоёо болёош. Манай хэһэн ямаршье үйлэ дахуултай юм. Тиигэжэ бидэ орон тайбаниие ондоо болгонобди. Шинии түрэлхид шамайгаа угтан абахал. Харин ши өөрыгөө баһал ойлгохо ёһотойш.

Хахасахынгаа урда Талын Дарга Ижикэдэ анхаралтай, бүхы амидадые хайрлажа ябахыень үнэн зүрхэнһөө хүсэбэ.

– Ойлгыш! Сэдьхэлшни һүүл соогоо бэшэ ха юм! Байһан бээ зүбөөр ойлгыш, даагыш! – гэжэ Талын Дарга дулааханаар миһэрэн нэмэбэ.

Возвращаясь домой, летели Озорная Птичка с Ижикой в затынутом фарфоровой дымкой небе.

Душа у мыши не в хвосте, – счастливая, открытая переменам, повторяла слова Короля Ижика. – Любые действия имеют последствия. Я обязательно, обязательно расскажу всем!

Тоомгүйхэн шубуухай Ижикэ хоёр гэр тээшээ замаа шэглүүлэн нийдэнэд. Тэнгэри харлажа, үүлээр татагдахадаа, шаажан шэнгээр харагдана.

– Ойлгыш, сэдхэлшни һүүл соогоо бэшэ ха юм! – гэжэ Талын Даргын хэлэхэниие Ижикэ хэдэн удаа даптана, сэдхэлынь жаргалаар дүүрэнэ, ямар шэнэ юумэ эдлэхээр бэлэн. – Бултанда заатагүй энээниие хөөрэн ойлгуулхаб даа!

